

В семействе Сун сегодня праздновали великое событие — возвращение родного сына, Сун Си.

Гости наперебой спешили высказать поздравления, а хозяева с улыбками принимали тосты, осушая бокал за бокалом. Вокруг царил атмосфера полного согласия и благополучия.

О том, что Сун Сюньнань бесследно исчез, вспомнили лишь под конец приема, когда приглашённые уже начали разъезжаться.

Глава семейства решил, что парень просто исходит обидой из-за ущемленного самолюбия. Сюньнань и раньше любил погулять, так что отец не стал поднимать шум, рассудив, что к середине ночи тот явится сам. Однако в воспитательных целях, дабы проучить строптивца, он заблокировал все его банковские карты.

Но утро уже близилось, а от Сун Сюньнаня не было ни слуху ни духу.

Узнав об этом, Сун Хэнсюань лишь нахмурился, посчитав поступок названного брата верхом неблагодарности. Семья ведь и так сделала для него всё возможное: сберегла его лицо, не лишила статуса молодого господина Сун и не выставила за порог выживать самостоятельно.

А что делает Сун Сюньнань? Устраивает дешёвые сцены и разыгрывает исчезновение!

Это был открытый демарш, жест глубокого недовольства.

Недолго думая, Хэнсюань набрал номер Сун Сюньнаня. Тот соизволил ответить лишь на третий раз.

Старший брат раздражённо свёл брови к переносице и ледяным, полным ярости голосом процедил:

— Сун Сюньнань, ты где вообще шляешься? Немедленно домой!

На том конце провода секунду помолчали, а затем коротко и бесцеремонно повесили трубку.

Слушая короткие гудки, Хэнсюань застыл в изумлении, его лицо покрылось ледяной коркой гнева. Он тут же набрал номер снова.

На этот раз ответили мгновенно.

— Сун Сюньнань, тебе лучше... — начал было Хэнсюань.

Но вызов снова оборвался.

У Хэнсюаня от такой наглости перехватило дыхание.

В этот ранний час в Резиденции семьи Сун бодрствовал только он, вышедший на утреннюю пробежку. Иначе домашние знатно бы удивились, увидев его помрачневшее лицо.

Впрочем, долго злиться не пришлось: телефон завибрировал — Сун Сюньнань перезванивал сам.

Хэнсюань принял вызов с мрачным торжеством, подготовившись выслушать путаные извинения непутёвого братца.

— Брат? Извини, я не посмотрел, кто звонит, — неторопливо, с ленцой отозвался Сун Сюньнань. — Слышу только — какой-то придурок орёт в трубку. Решил, что пьянчуга какой-то номером ошибся и буянит.

Он больше не был прежним покорным мальчиком. Из прошлой жизни он вынес твёрдое решение: потакать капризам Хэнсюаня он больше не станет.

Пусть ищет себе другого прислужника.

Хэнсюань лишился дара речи.

С трудом подавив раздражение и вернув себе маску солидного, рассудительного человека, он холодно произнёс:

— Где ты? Немедленно возвращайся. Твой младший брат только переступил порог дома, а ты уже устраиваешь ночные загулы. Что о нас люди подумают?

Договорив, он вдруг осёкся. Ему показалось, что эти слова он уже когда-то произносил.

Голову пронзила резкая вспышка боли, но почти сразу утихла. Хэнсюань прижал ладонь ко лбу. В последнее время эти странные мигрени накатывали всё чаще.

«Определённо, нужно показаться врачу»

На том конце провода Сун Сюньнань едва сдержал издевательский смех. Какая горькая ирония.

Мнение посторонних людей для этой семейки всегда значило больше, чем чувства человека, прожившего с ними бок о бок столько лет.

— Да так, не в духе был, — небрежно бросил он. — Хоу Второй вытащил меня выпить. Вернусь к обеду. — Он выдержал паузу и с едва заметной усмешкой добавил: — Как-никак, сегодня первый официальный день нашего новообретённого брата в родных стенах. Такое зрелище я пропустить не могу. Ладно, бывай, я вешаю трубку.

Последняя фраза прозвучала как-то двусмысленно, но расспросить подробнее Хэнсюань не успел — Сун Сюньнань бесцеремонно прервал звонок в третий раз. И сразу же, не теряя времени, отправил номер старшего брата в чёрный список.

Не сумев дозвониться до него напрямую, Хэнсюань наверняка сорвёт злость на Хоу Второго.

Что ж, схватка двух породистых псов обещала быть занятной. Сун Сюньнань с удовольствием понаблюдает за этим со стороны.

Но куда податься прямо сейчас?

Он застыл под тусклым светом фонаря у входа в бар.

В четыре часа утра улицы города были абсолютно безлюдны. Одинокий силуэт парня отбрасывал на асфальт длинную, угловатую тень.

Возвращаться на виллу и созерцать фальшивые маски благообразного семейства не хотелось совершенно.

Достав телефон, он мельком просмотрел сообщения — сплошное злорадство и фальшивое сочувствие. Одним нажатием очистив историю чатов, Сюньнань вбил в поиск ближайшие отели. Переночевать где-то всё же стоило.

До ближайшей гостиницы было минут десять пешком. Запустив навигатор, он неторопливо побрёл по указанному маршруту.

Накануне, сбежав со злосчастного банкета, он поймал первое попавшееся такси и долго кружил по городу, пока не наткнулся на этот неприметный бар. Там, где никто не знал, что он всего лишь подделка, занявшая чужое место, Сюньнань пил до беспамятства.

В прошлой жизни, протрезвев, он поддался на уговоры Хоу Второго и решил разыграть «исчезновение». Наивный дурак, он надеялся проверить, станет ли семья искать его, остался ли в их сердцах хоть след любви к нему.

Семья его, конечно, нашла. Но не успел он обрадоваться призраку мнимой заботы, как Хэнсюань отвесил ему звонкую пощёчину. Холодный голос брата велел ему знать своё место и прекратить устраивать цирк.

Тогда Сун Сюньнань искренне не понимал, за что всегда любящий старший брат поднял на него руку.

Тогда он ещё отчаянно цеплялся за иллюзию семейного тепла.

Но тот глупый, доверчивый мальчик остался в прошлом. Он умер.

Место оказалось глухим. Взглянув на карту, Сюньнань обнаружил, что забрёл на самую окраину юго-востока Города В — диаметрально противоположный конец города от Резиденции семьи Сун.

Рядом с отелем светилась вывеска круглосуточного минимаркета. Заскочив туда за мелочами, он наконец поднялся на ресепшен. Пока улаживал формальности с заселением, стрелка часов доползла до пяти утра. На востоке уже брезжил серый, холодный рассвет.

После бурной ночи виски ломило тупой, пульсирующей болью, но сон не шёл. Достав из шуршащего пакета дешёвую пачку сигарет, Сюньнань опустил на край кровати. Он долго смотрел на окутанные туманом очертания незнакомых улиц, а потом щёлкнул зажигалкой.

Первая же затяжка отозвалась мучительным приступом кашля. Организму двадцатилетнего парня курение было в новинку — до того момента, когда через три года он превратится в законченного пропойцу со стажем курильщика, ломающего собственное здоровье, было ещё далеко. К тому же дешёвое пойло из придорожного ларька и копеечный табак с паршивым фильтром давали о себе знать.

С трудом подавив кашель, он даже не стал вытирать выступившие на глазах слёзы. С непоколебимым равнодушием затянулся снова — и опять зашёлся кашлем.

В номере царил полумрак. Лишь редкие блики уличных фонарей просачивались сквозь неплотные шторы, погружая комнату в зыбкую тишину. Парень неподвижно сидел во тьме, его силуэт почти сливался с тенями, и лишь багровый огонёк тлеющей сигареты на кончиках пальцев то ярко вспыхивал, то медленно угасал.

Когда в пепельницу полетел последний окурочок, за окном окончательно рассвело.

С улицы доносились звонкие выкрики уличных торговцев, зазывающих прохожих купить горячий завтрак. Под козырьками домов то и дело мелькали силуэты спешащих на работу горожан.

Не сомкнув глаз за всю ночь, Сюньнань умылся ледяной водой. Достав купленную накануне мятную жвачку, он закинул пластинку в рот, пытаясь заглушить едкий, горький привкус

дешёвого табака.

Резкий ментоловый заряд мгновенно ударил в нос, окончательно проясняя мысли.

Девушка за стойкой регистрации не скрывала удивления, оформляя выезд: постояльцы, которые задерживаются в номере всего на три часа, встречались нечасто. Забрав залог, Сюньнань покинул гостиницу.

Путь до резиденции Сун предстоял неблизкий, но он никуда не торопился, бесцельно бродя по просыпающимся улицам.

Яркая, броская внешность парня невольно приковывала взгляды редких прохожих. Однако стоило им заметить измятую рубашку и уловить стойкий шлейф перегара вперемешку с дешёвым табачным дымом, как люди тут же брезгливо отворачивались. В глазах обывателей он выглядел обычным уличным повесой, возвращающимся со званой попойки.

Здесь, неподалёку от квартала ночных клубов, хватало всякого сброда — поди разбери, какой черт прячется за красивым лицом.

Впрочем, до мнения толпы Сун Сюньнаню не было никакого дела.

Человек, прошедший через смерть, смотрит на мир совсем другими глазами. Суждения посторонних больше не могли задеть его или вызвать хоть какую-то бурю в душе.

Ему хватило трёх часов наедине с собой, чтобы окончательно принять нелепую реальность собственного перерождения.

Когда-то давно, в моменты редкого просветления, он задавался вопросом: если бы он вовремя отступил и вырвался из этого зыбучего болота под названием «семья Сун», сложилась бы его жизнь иначе? Удалось бы избежать трагического финала?

Ответа не было. Прошое не терпит сослагательного наклонения.

В те годы он физически не мог разорвать эту связь. На улицах Города В его звали «маленьким тираном». Вспыльчивый, заносчивый, готовый стереть любого обидчика в порошок — настоящий кошмар для врагов. Неуправляемый бунтарь, не знающий жалости.

Но вся эта показная жестокость мгновенно испарялась, стоило ему оказаться перед родными.

Им он отдавал всю свою нежность, преданность и любовь.

А они просто вытирали об неё ноги, не ценя ни единого порыва.

Но теперь всё будет иначе.

Сюньнань задумчиво провёл подушечкой большого пальца по фаланге указательного. На губах заиграла ленивая усмешка, но взгляд оставался холодным, как лёд.

В прошлой жизни он совершил достаточно глупостей. Повторять их в этой он не собирался.

Наступить на одни и те же грабли дважды — удел законченных дураков.

Взмахом руки он остановил проезжающее мимо такси и назвал адрес резиденции Сун.

Когда он подъехал к воротам, всё семейство как раз сидело за завтраком. Дверь ему открыл старый дворецкий, дядя Сунь.

Окинув парня быстрым, сочувственным взглядом, старик едва заметно вздохнул:

— Третий молодой господин, вы вернулись.

Сун Сюньнань лишь коротко кивнул.

Он намеревался молча подняться к себе, но дорогу ему преградил тяжёлый, властный голос отца, Сун Цзюйвэя:

— Стоять. Где тебя носило всю ночь?

Сун Цзюйвэй с отвращением оглядел его измятую одежду. Стойкий запах перегара и дешёвого табака не оставлял сомнений: сын снова провёл ночь в каком-то притоне.

Сюньнань послушно замер и медленно повернулся к обеденному столу.

Вся честная компания была в сборе: глава семейства Сун Цзюйвэй, госпожа Сюй Цин, старший сын Хэнсюань, средний Юйцин и, разумеется, новообретённый любимец — Сун Си.

Они сидели за богато накрытым столом, образуя идеальную картину семейного счастья.

Вот только лишнего прибора для него предусмотрено не было.

Сун Сюньнань скользнул взглядом по этой сцене. Удивительно, но внутри не колыхнулось ни единой эмоции. Он прямо посмотрел на отца и ровным, безразличным голосом спросил:

— Вы действительно волнуетесь за меня, отец? Или просто боитесь, что я запятнаю безупречную репутацию семьи?

От подобной дерзости Сун Цзюйвэй едва не задохнулся от гнева:

— Как ты разговариваешь с отцом?! Что это за тон, Сун Сюньнань!

Сюй Цин недовольно нахмурилась, но предпочла промолчать.

Хэнсюань, уже успевший выпустить пар во время утреннего звонка, демонстративно не поднимал глаз от тарелки. Второй брат, Юйцин, мазнул по Сюньнаню ленивым, оценивающим взглядом, однако лезть на рожон и злить разъярённого отца не спешил.

Тишину нарушил робкий, вкрадчивый голосок Сун Си.

Переведя взгляд с Сюньнаня на разгневанного главу семейства, он тихо, с искренней тревогой пролепетал:

— Папа, пожалуйста, не сердись на брата. Он ведь не нарочно. Наверное, вчера ему просто было очень тяжело... Вот он и решил провести ночь с друзьями, чтобы немного отвлечься. Ну и выпил лишнего, с кем не бывает.

Сун Сюньнань, уже собиравшийся уйти к себе, остановился. Он с интересом уставился на разыгрывающего драму Си, ожидая продолжения этого дешёвого спектакля.

Сейчас Сун Си ещё не овладел искусством манипуляции в совершенстве. Его уловки выглядели топорно и были шиты белыми нитками. Это потом, спустя годы, он отточит своё мастерство притворства до блеска, заставив всех членов семьи окончательно возненавидеть названного брата. А пока это были лишь первые, неуверенные шаги на поприще лицемерия.

Но даже такого дешёвого притворства вполне хватало, учитывая, с каким слепым обожанием чета Сун относилась к своему настоящему сыну. В прошлый раз эта «забота» обернулась тем, что родители стали видеть в Сюньнане пустое место, старший брат отвернулся от него навсегда, а средний шаркался как от чумного. Их хваленая любовь к приёмному сыну испарилась в один миг, стоило Си переступить порог дома.

Слова Си легли на благодатную почву. Ярость Сун Цзюйвэя вспыхнула с новой силой:

— Значит, возвращение нашего родного сына для тебя — повод для траура, Сун Сюньнань? — В голосе старого бизнесмена загрохотали грозовые раскаты. — Мало того, что ты проигнорировал семейное торжество и сбежал посреди приёма, так ещё и выставил нас на посмеище перед всем городом!

— Я разве говорил, что расстроен? — Сун Сюньнань лениво вскинул ресницы, даже не взглянув в сторону Си. — По-моему, эту чушь сейчас озвучил ваш драгоценный Сун Си. Зачем же приписывать её мне? — Он сделал короткую паузу и невинно поинтересовался: — Кстати, а в каком часу вы вообще заметили, что меня нет на банкете?

Будь он прежним взрывным юношей, тут же устроил бы грандиозный скандал с криками и битьем посуды. Но нынешнее ледяное спокойствие парня сбивало с толку.

Сун Цзюйвэй недовольно нахмурился, смутно ощущая, что строптивый третий сын ведёт себя как-то иначе. Накатанный сценарий явно шёл не по плану.

Тут со своего места подал голос Юйцин. Как всегда, вальяжно растягивая слова, он бросил:

— Да какая разница когда? Кажется, ближе к завершению. Сяо Нань, ты действительно повёл себя некрасиво. Мог бы проявить хоть каплю уважения к младшему брату в его первый день.

Сун Сюньнань тихо, бесцветно усмехнулся:

— Ближе к завершению? — Он обвёл взглядом сидящих за столом. — Гости начали расходиться в одиннадцать вечера, верно? Смею разочаровать: я покинул зал в начале десятого.

Юйцин недоумённо вскинул брови:

— К чему ты клонишь? Ты...

На полуслове до него дошёл смысл сказанного. Он резко замолчал, и его лицо недовольно вытянулось.

Два часа. Целых два часа виновник торжества отсутствовал на собственном празднике, и ни одна живая душа в этом доме не обратила на это внимания.

Сюньнань с холодным любопытством оглядел вытянувшиеся лица родственников. Ни обиды, ни разочарования в его взгляде не было — лишь глухое равнодушие.

— Я в душ. Завтрак принесите мне в комнату, — бросил он, повернувшись к застывшей в углу экономке.

Матушка У, старавшаяся до этого момента не дышать, торопливо закивала, выражая готовность исполнить поручение.

На этот раз его никто не посмел остановить.

Парень беспрепятственно поднялся на второй этаж, подошёл к двери своей спальни и нажал на ручку. Дверь послушно открылась с тихим щелчком.

Вот только внутри всё уже дышало чужим присутствием. Обитель, бывшая его личным пространством на протяжении многих лет, оказалась завалена вещами Сун Си.

Сун Си без зазрения совести занял его комнату.

Сюньнань слегка прикрыл глаза, скрывая вспыхнувший в них холодный блеск.

«Неужели и в прошлый раз Си занял её так быстро? — Сюньнань попытался вспомнить детали. — Слишком много времени прошло. Всё стёрлось из памяти»

За спиной раздался шорох шагов. Сун Си, поспешивший следом за ним на второй этаж, замер у порога. На его лице сияла маска робкой виноватости:

— Эм... Третий брат, — вкрадчиво прошептал он, стараясь не смотреть Сюньнаню в глаза. — Твои вещи... Ну, то есть, твою комнату перенесли туда.

Он робко указал пальцем в самый конец длинного коридора.

Туда, где располагалась крошечная, холодная гостевая каморка — вполтину меньше прежней спальни, где годами скапливалась лишь пыль.

<http://bllate.org/book/19928/1979774>